

Ш. А. Богина

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В США (XIX ВЕК)

Изучение взаимоотношений разных этнических компонентов населения США и развития соответствующих групп¹ представляет интерес, выходящий далеко за пределы проблем американской нации. Проблемы того же порядка характерны и для других стран, обладающих этнически гетерогенным и к тому же смешанно живущим населением. Из них наиболее близки к США в этом отношении Австралия, Канада, Новая Зеландия. Исследование этнических проблем Америки может пролить свет и на этнический климат иных, пестрых в национальном отношении государств, которыми изобилует наша планета. Главной сценой, на которой разворачивалось этническое развитие Америки, являлись ее города, значение которых как в этнических процессах, так и во всех общественных отношениях бурно росло всю вторую половину XIX в. и продолжало нарастать в XX в. Вообще связь межэтнических отношений и этнических процессов с урбанизацией очень значительна, а в современную эпоху становится все важнее.

Этническая пестрота американского населения явилась результатом многочисленных и многолюдных миграционных потоков. Вся история человечества знала миграции, но особый размах они приобрели в капиталистическую эпоху. Эти переселения — если не народов, то их частей — следует рассматривать не как нарушение исторических принципов или исключение из правила (иногда в литературе они так и трактуются), а как историческую закономерность. Миграции как часть всемирно-исторического процесса нуждаются в углубленном изучении. Развертываясь в пространстве (переезд из одного места в другое), что очевидно, миграции происходят также во времени, во времени историческом, представляя собой некое пересечение двух измерений: ввиду различия стадий исторического развития, проходящих одновременно разными народами, мигранты могут переселиться не только в другую страну, но и в другую историческую формацию. Так неоднократно и происходило. Например, в Америку конца XIX в., вступавшую в период монополистического капитализма, приезжали массы людей из слаборазвитых, зачастую полуфеодалных областей Южной Европы, Передней Азии и т. д. Это несоответствие уровней исторического развития страны выхода и принимающей страны во многом определяет социальную судьбу мигрантов, тип их поведения, а также этнические процессы, в которые они вовлечены. Самый характер этих процессов меняется, а этнические свойства, какими обладали переселенцы на родине, не могут остаться неизменными.

Изменение этнических свойств мигрантов вытекает прежде всего из того, что они с первого же дня приезда в новую страну начинают подвергаться ассимиляции. Это не следует понимать как простое уподоб-

¹ В данной статье не рассматриваются негритянский и индейский компоненты населения США, каждый из которых обладает значительным своеобразием.

ление жителям принимающей страны, хотя такое уподобление безусловно входит в ассимиляционный процесс. Но, даже строя, оформляя, развивая свою этническую группу (американских норвежцев, американских поляков и т. д.), иммигранты не только продолжают этнические традиции прежней родины, но и создают новую этническую общность, составляющую часть американского народа.

Основой ассимиляционного процесса является, на наш взгляд, интеграция экономическая и социальная, которую можно назвать структурной: оказавшись в рамках нового этносоциального организма, иммигранты, вынужденные зарабатывать себе на жизнь, неизбежно включаются в экономическую систему этого организма и тем самым становятся частью его социальной структуры. Дальнейшая судьба иммигрантов и их этнических групп определяется прежде всего потребностями и развитием этого этносоциального организма, что нередко вызывает перемену классовой принадлежности и рода занятий переселенцев. Так, ирландские, а через несколько десятилетий итальянские арендаторы и батраки строили в Америке каналы и железные дороги, изменившие лицо страны, а франко-канадские и польские крестьяне становились индустриальными рабочими бурно разраставшихся заводов США.

На основе этой структурной ассимиляции развиваются все другие виды ассимиляционных процессов: языковой, бытовой, культурный и т. д. При этом следует учесть, что этнические процессы происходят гораздо медленнее, чем основополагающие экономические, и на этой почве возникают трудно преодолимые противоречия. Диспропорции подобного рода образуются также между темпами социально-экономического развития общества, с одной стороны, — и психологического развития личности, а также социально-психологического развития человеческих коллективов — с другой. Разительными противоречиями этого типа изобилует конец XIX в. в Америке. Вообще же психологические особенности (в данном случае групповые) и психологическое развитие имеют, как уже отмечалось в советской литературе, очень большое и еще недостаточно исследованное значение для этнических процессов², особенно когда они происходят в этнически гетерогенной среде.

Ассимиляцию нельзя рассматривать как процесс односторонний. Иммигрантские этнические группы, заимствуя культуру окружающего населения, в то же время обогащают ее многими чертами своей материальной и духовной культуры. «Всякое культурное общение обязательно протекает в порядке взаимности», — говорил И. А. Орбели, подчеркивая важность и плодотворность стыков различных культур³. Но в условиях Америки равновесия в этом культурном общении не было: доминировала культура, уже сложившаяся в стране. Иммигранты и их потомки, находившиеся на разных стадиях ассимиляционного процесса, были людьми маргинальными, т. е. стоявшими на грани двух культур и причастными к обеим. Маргинальность была свойственна не только людям по отдельности, но и переходным этническим иммигрантским группам в целом⁴.

Очень важной областью ассимиляции было языковое поведение иммигрантов. Усвоение господствующего языка страны — английского (пусть в самой малой степени) становилось для иммигрантов насущно необходимым. Двуязычие, столь характерное для Америки, как и для других регионов с этнически разнородным населением, возникало (если понимать его как процесс) на первых же стадиях жизни в новой стране.

² В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 309; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 161.

³ И. А. Орбели, Восток и Запад в XII—XIII веках, «Вопросы истории», 1965, № 6, стр. 105.

⁴ Характеристика иммигрантских групп как переходных введена в нашу литературу М. Я. Берзиной (см. ее статью «Этнический состав населения Канады», «Сов. этнография», 1968, № 1).

Характерно, что при всем разнообразии исходных языков лингвистическое развитие иммигрантов разных национальностей совершалось по одному типу, который определялся воздействием английского языка и условий жизни в Америке.

Прежде всего у иммигрантов вырабатывались своего рода гибридные языки: при сохранении грамматической, синтаксической, фонетической структуры родного языка лексика его обновлялась, в нее все более проникали лексические элементы английского языка. Обозначая незнакомые прежде предметы и явления, английские слова, кроме того, употреблялись особенно часто в области экономики, политики, официальной жизни. Гораздо позднее они проникали в домашнюю жизнь, личные отношения. Дольше всего держался родной язык в терминологии родства. Таковы выводы основательных исследований иммигрантского языка, проводившихся, например, среди американских норвежцев⁵. Это подтверждают данные и по другим группам. Такие смешанные языки давали повод к насмешкам как со стороны англоязычных американцев, так и со стороны европейских соплеменников американских иммигрантов. Персонаж одного из рассказов О'Хары, вполне англоязычный американский итальянец, поддразнивает своих собравшихся за торжественным обедом детей, предлагая им, на таком гибридном языке, ответить «a leetla beata» (вместо «a little bit» — немного) угощения. В ответ на их протесты он в том же стиле заявляет: «Me speaka da perfect English» (вместо «I speak [the] perfect English» — я говорю на превосходном английском языке)⁶. Однако для первого поколения иммигрантов гибридные языки служили весьма реальным средством общения. И если мужчины интенсивнее осваивали английскую речь, то женщины того же поколения, матери семейств и хранительницы этнических традиций, упорно держались за родной язык, фактически же пользовались охарактеризованной выше смешанной речью. Но их дети уже свободно владели английским языком. С возмужанием второго поколения иммигрантов двуязычие вступало в фазу завершения. Каждый язык употреблялся в своей сфере, причем сфера языка предков все более ограничивалась семьей и церковью. В зависимости от ситуации, собеседника и иных обстоятельств применялся тот или другой язык. За этой фазой следовал переход на английский язык, который не исключал, а иногда и предполагал интерес к языку предков, но уже не как к средству живого общения, а скорее как к идеологической ценности и иностранному языку. Такой интерес — частое явление в современной Америке. В общем же языковая ассимиляция совершалась в США быстрее и успешнее, чем ассимиляция во многих других областях культуры.

Если условно разделить человеческое поведение на область работы и область «игры» и применить такое деление к ассимиляционным процессам, то окажется, что процессы эти быстрее протекали в области работы, т. е. необходимых для жизни занятий. Что же касается области «игры» — праздников, развлечений и т. д., то в ней дольше держались традиции прежней родины. Это относилось к празднованию рождества у норвежцев, к шумным процессиям в престольные праздники у выходцев из Италии, к хоровому пению у немцев и т. д. Однако и в этой сфере шла ассимиляция (причем многие «игровые приемы» заимствовались окружающим иммигрантов американским населением), но происходила она менее интенсивно.

В городах ассимиляционные процессы происходили быстрее, чем в сельской местности. Эта преобладающая тенденция имела тем большее значение, что темп урбанизации был в США, как известно, очень высок.

⁵ См.: E. Haugen, *The Norwegian language in America. A study in bilingual behavior*, Philadelphia, 1953; G. G. Gilbert (ed.), *Texas studies in bilingualism*, Berlin, 1970.

⁶ J. O'Нaгa, *Assembly*, London, 1967, p. 120.

В сельских поселениях, особенно однонациональных, прежние традиции держались гораздо более стойко. Примеры — немецкие поселки середины XIX в., скандинавские поселки конца XIX в. Крайним случаем подобного рода были изоляты вроде старинных поселений немецкой секты амиш, где до наших дней запрещено пользоваться, например, радио, ваннами, автомобилями, тракторами. Но такие изоляты являлись исключением, подтверждающим правило. А правилом были города, и для иммигрантского населения еще в большей степени, чем для старожильского: ведь большинство иммигрантов селилось в городах и промышленных поселках. Впрочем, ускорение ассимиляции в городах также не следует понимать однозначно. Большие скопления иммигрантов одной национальности в крупных городах, их расселение национальными кварталами стимулировали этническое сплочение, деятельность национальных организаций и т. п. Однако этноцентристские течения, развивавшиеся в городской обстановке, были внутренне противоречивы: организации этнических групп (добровольные общества, просветительные кружки и т. д., вплоть до школы и церкви), переходя со временем на английский язык и все более уподобляясь в своей деятельности соответствующим организационным системам американских старожилов, постепенно теряли этническую специфику и сами становились орудием ассимиляции.

Разумеется, характер и темп ассимиляционных процессов в очень большой степени зависит от общесторического развития всего мира, принимающей страны и, наконец, данной этнической группы. В период промышленного переворота, в канун империалистической эпохи, да и в нынешний период научно-технической революции ассимиляционные процессы в Америке имели ряд существенных особенностей. В тесной связи с этим большое значение имела смена иммигрантских поколений. Этническое поведение детей и внуков иммигрантов отличалось в каждом поколении своими особенностями, причем на любой стадии общественного развития оно имело специфический характер, определяемый этим общественным развитием. Для современного периода, например, американский исследователь предлагает объединить — в смысле этнического поведения — второе поколение иммигрантов и третье⁷.

Характерно, что если в первом поколении женщины, как отмечалось выше, являлись хранительницами этнических традиций в семейной и культурной жизни, то уже для второго поколения положение меняется. Девочки больше и лучше учатся в школе, чем мальчики того же поколения, лучше осваивают английский язык, вырастают более приспособленными к окружающей среде, больше впитавшими в себя нормы и ценности окружающего общества, зачастую социальная мобильность их выше⁸. Сходные явления зафиксированы у американских негров, да и у всего населения США⁹. Наблюдаются они и у других народов мира. Разумеется, причины и выражение этой тенденции разные у разных народов и стран, однако сама тенденция имеет явный характер. В США ее можно объяснить некоторыми конкретными обстоятельствами. Так, сфера применения женского труда там расширялась уже с конца XIX в. Это в особенности относилось к конторской работе и другим «беловоротничковым» занятиям, в которые вовлекалось множество дочерей иммигрантов, а в середине XX в. и молодых негритянок. Отмеченная выше

⁷ J. A. Fishman e. a., *Language loyalty in the United States*, London, 1966, p. 405—406.

⁸ H. J. Gans, *The urban villagers. Group and class in the life of Italian-Americans*, New York, 1965, p. 25, 133, 136, 207—208; P. and A. S. Rossi, *Some effects of parochial school education in America*, «Daedalus», Spring, 1961, p. 305, 306, 308; G. Lenski, *The religious factor. A sociological study of religious impact on politics, economics and family life*, Garden City, N. Y., 1961, p. 240.

⁹ L. Broom and N. D. Glenn, *Transformation of the Negro American*, New York, 1965, p. 20, 86.

тенденция наблюдалась во всех этнических группах Америки, несмотря на большие различия в их исходной семейной структуре, которая, как известно, очень важна для социальной роли женщины. При всех этих различиях семья всех иммигрантских групп развивалась в одном направлении, определявшемся условиями американского общества, — к малой двухпоколенной городской семье, ориентированной на детей. Здесь возникает аналогия с языковым развитием иммигрантов, которое, как отмечалось выше, имея качественно различные исходные базы, также совершалось в одном направлении, определявшемся влиянием господствующего языка Америки.

Как же складывалась в такой обстановке межэтническая ситуация? Определяющим ее элементом является национальная и расовая дискриминация, которой в разные периоды подвергались в той или иной степени и форме все группы иммигрантов в Америке. На эту, чрезвычайно характерную для общественного быта США черту проливает свет замечание шведского историка М. Мёрнера, относящееся к Латинской Америке: «До настоящего времени, — писал Мёрнер, — в Латинской Америке отсутствовала обстановка ускоренного развития, неизменно сопровождающегося напряженной экономической борьбой между представителями различных этнических групп и — как следствие — обострением межэтнических отношений»¹⁰. В США обстановка была в этом смысле противоположная, и ускоренное капиталистическое развитие, которым — особенно в XIX в. — отличалась эта страна, действительно обусловило особую остроту межэтнических отношений, в первую очередь этнической дискриминации. Иммигрантское население ощущало дискриминацию в самых разных областях жизни — при поисках работы и жилья, в быту, в церкви и т. д. Доминировало в этой дискриминации угнетение со стороны господствующих классов, которым она облегчала эксплуатацию иммигрантских масс. Отсюда происходил климат дискриминации, преобладавший во всем обществе, чему сильно способствовала межэтническая конкуренция людей и групп, находившихся на одном социальном уровне.

Социально-психологические реакции этнического меньшинства на дискриминацию колеблются в широких пределах между двумя полюсами. На одном — безоговорочное принятие обычаев окружающей среды вплоть до враждебного отношения к своей группе, стремление избавиться от принадлежности к ней, быть, «как все», стать просто американцем. На другом — протест против дискриминации, поиски отпора ей в сплочении своей этнической группы, культивирование ее своеобразия, усиление этноцентристских тенденций вплоть до воинствующего самоутверждения¹¹. Между этими полюсами — масса промежуточных оттенков, составляющих в совокупности некую непрерывность. Преобладание тех или иных реакций, их сочетание зависят от общественно-исторических условий. В иные периоды может взять верх — в статистической тенденции — даже одна из крайних позиций, но обычно индивидуальные установки весьма разнообразны.

Весь комплекс дискриминации (включая реакцию на нее) весьма важен для ассимиляционных процессов. Он им препятствует и замедляет их. Хотя при первой из описанных выше крайних установок (ненависть к своей группе) давление извне может форсировать отказ от прежних этнических черт, такие случаи относительно редки. Это эффект того же типа, который дает насильственная ассимиляция. Он сопровождается психологически болезненными осложнениями. Для стихийной, естественной ассимиляции (а в США преобладала такая) дискриминация пред-

¹⁰ М. Мёрнер, Мисцегенация и взаимовлияние культур в Латинской Америке как историческая проблема, «Расы и народы», I, М., 1971, стр. 191.

¹¹ Такие реакции подробно разобраны в исследовании: I. Child, *Italian or American? The second generation in conflict*, London, 1943.

ставляет величайшую из помех. И усиление дискриминации вызывало там, как правило, реакцию этноцентризма иммигрантских групп.

В этнических отношениях в США участвовало не две стороны — большинство населения и иммигрантское меньшинство, а много: система эта включает сложные отношения между разными этническими группами. По преимуществу эти отношения строились иерархически; иерархия же этнических групп определялась их положением в американском обществе. Социальный престиж каждой из них зависел от ее классового состава, имущественного уровня, специфических социальных функций, когда такие имелись, и степени ассимилированности. Последняя, тесно связанная с предшествующими факторами, обычно обуславливалась длительностью пребывания данной группы в Америке и степенью ее социальной мобильности. Так, в конце XIX в. более высокое социальное положение занимали иммигрантские группы, имевшие два-три поколения в Америке, — немцы, ирландцы — и более низкое — недавно приехавшие выходцы из Южной и Восточной Европы. Экономическое и социальное соотношение этнических групп регулировалось «иммигрантским циклом», по выражению американского ученого Д. Коула¹². Это значило, что вновь прибывшие иммигранты, занимая самое низкое положение в общественной структуре, как бы выталкиваются наверх иммигрантов национальной группы, занимавшей это место прежде, а впоследствии первых заменяет в этом положении следующая иммигрантская группа. Такой сдвиг не раз происходил в фабричных городах США. Он же имел место в национальных жилых кварталах, где ирландцев, например, сменяли итальянцы, шведов — поляки и т. д. Эти обстоятельства нередко вызывали взаимную неприязнь, конфликты, столкновения. Между национальными группами, занимавшими однородное положение в общественной системе, — обычно наемными рабочими — возникали трения вследствие конкуренции на рынке труда, которая только усугублялась разноплеменностью и разноразличностью иммигрантов, особенно возросшей на грани XIX и XX вв.

Вся сложная система межэтнических отношений выражалась в этнических стереотипах и отчасти ими же регулировалась. Эта обширная сеть предвзятых, окостеневших представлений и суждений включала в себя и унаследованные предрассудки, и обобщение случайных впечатлений, и анекдоты по поводу той или иной национальности, и этнофобизмы — бранные клички этнических групп, и многое другое. «Каким бы путем ни сложились те или иные этнические стереотипы, — пишет советский ученый И. С. Кон, — они с течением времени приобретают характер нормы, передающейся из поколения в поколение как нечто бесспорное, само собой разумеющееся»¹³. Существовал стереотип общеиммигрантский (основная линия — подозрительно-пренебрежительное замечание — «эти иностранцы», «эти чужаки»), существовали стереотипы всех этнических групп, чаще всего отрицательные, выражавшие этнические предубеждения. Несмотря на неосновательность последних, на очевидную подчас их нелепость, «предубеждения эти, — как справедливо замечает И. С. Кон, — так же органически входят в состав культуры классового общества, как и все прочие его нормы»¹⁴. И как, добавим, национальная рознь, особенно характерная для американского общества.

При всей своей статичности стереотипы могли меняться в зависимости от историко-психологической обстановки. Массовые иммигрантские группы середины XIX в., ирландцы и немцы, подвергавшиеся в то

¹² D. B. Cole, *Immigrant city. Lawrence, Massachusetts, 1845—1921*, Chapel Hill, 1963, p. 13.

¹³ И. Кон, Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений), «Новый мир», 1966, № 9, стр. 201.

¹⁴ Там же.

время жестоким нападкам, стали в конце века расцениваться обыденным сознанием гораздо благоприятнее. В их стереотипах стали подчеркиваться положительные свойства, те же, что прежде квалифицировались как пороки, теперь считались просто чудачествами. Зато прежние отрицательные черты этих стереотипов были перенесены в стереотипы новых иммигрантских национальностей — итальянцев, греков и др., которые в эти годы начинали свой иммигрантский цикл. В противопоставлении старых, ставших привычными, обамериканившихся иммигрантских групп новым, которым теперь досталась роль «плохих», и заключался резон изменения ирландского и немецкого стереотипов. В конце XIX в. положительные стереотипы (правда, редкие) отдельных иммигрантских национальностей имели и другую подоплеку — распространение расистских теорий, главным образом англо-саксонской и тевтонской. Этнические группы, относимые к соответствующим «расам», расценивались положительно, а иногда даже восхвалялись.

Стереотипы, порожденные социальными традициями и условиями, оказывали обратное влияние на социальную жизнь. Положительный стереотип выходцев из Скандинавии, причисленных к «желательным расам», облегчил их жизнь в Америке по сравнению с жизнью прибывавших туда в тот же период уроженцев Южной и Восточной Европы и ускорил их ассимиляцию. Отрицательные стереотипы, гораздо более частые, порожденные атмосферой дискриминации и вновь порождавшие ее, затрудняли и замедляли ассимиляцию большинства иммигрантских групп.

Одним из действий стереотипов было возникновение у этнических групп автостереотипов, соответствовавших распространенным о них ходячим мнениям. Это было примером некритического восприятия норм окружающего общества. Иммигранты определенной национальности видели себя такими, какими видела их «референтная группа», — та, на которую они ориентировались при выработке ценностей, и которая служила им образцом. Такой группой, воплощавшей нормы и ценности американского общества, все более становились те, кого стало принято называть «белыми протестантами англо-саксонского происхождения» (White Anglo-Saxon Protestant, сокращенно WASP). Это была скорее символическая, чем реальная, группа. Людей, соответствовавших ее критериям, было чаще всего мудрено выделить, главным образом по части «англо-саксонского» происхождения. В Нью-Йорке, например, в нее фактически включали также немцев и французов. Практически под WASP понимали «чистых», «истинных» американцев, антипод иммигрантов — американцев второго сорта. В период обострения шовинизма и распространения расизма, характерных для наступления империалистической эпохи, такое противопоставление приобретало особый смысл. В современный период WASP иногда трактуют как этническую группу, своего рода этническое меньшинство. Такая точка зрения не кажется убедительной хотя бы потому, что общность происхождения причисляемых к этой категории людей весьма спорна, а об этническом самосознании, подобном тому, какое имеют, например, потомки итальянцев или ирландцев, не приходится говорить. WASP представляется скорее мифом, освящающим американскую этническую систему.

Самой реальной характеристикой этой категории является протестантство. Религия всегда имела большое значение в жизни американского общества, не потеряла она его и сейчас. Это религия институционализированная¹⁵. Принадлежность к какой-нибудь (одной из многочисленных) религиозных организаций, посещение (пусть изредка) церкви составляют признак «хорошего тона», благопристойности, респектабельности, что не обязательно предполагает религиозные чувства или убеж-

¹⁵ См.: А. А. Кислова, Религия в формировании американской нации, «Национальные процессы в США», М., 1973, стр. 385, 386.

дения. Американские церковные организации широко занимаются светской деятельностью. Они имеют разветвленную сеть женских, юношеских, благотворительных и других обществ.

Несмотря на отсутствие в США государственной церкви, протестантское вероисповедание сохранило там сильные общественные позиции. В XIX в. оно рассматривалось как истинно американская религия и оказало большое влияние на религии иммигрантов. Большинство иммигрантских национальных групп исповедовало католичество. Оно, как и его носители, подвергалось в Америке XIX в. гонениям, особенно усилившимся в годы социальных кризисов. Однако католическая церковь, все расширявшаяся вследствие роста иммиграции, американизовалась вместе со своей паствой и даже послужила серьезным средством ее ассимиляции. Главную роль в этом сыграли ирландцы, первая массовая католическая иммигрантская группа, которая, собственно говоря, и создала своими силами и средствами американскую католическую церковь как массовую религиозную организацию. Духовенство этой церкви много десятилетий оставалось преимущественно ирландским по происхождению, чему способствовало англоязычие ирландской группы. На этой почве неоднократно происходили этнические конфликты внутри католической церкви: против церковного руководства, в котором господствовали ирландцы, выступали немцы, итальянцы и др. Но дело здесь было не только в языке богослужения и национальном происхождении священников: церковные раздоры зачастую носили более широкий социальный характер, особенно потому, что позднейшие иммигранты (например, те же итальянцы) занимали в американском обществе низшее по сравнению с ирландцами положение.

Среди протестантов социальные, идеологические, этнические распри находили другое выражение. Если католическая церковь была единой и централизованной, то протестанты делились на великое множество церквей и сект, причем время от времени возникали новые секты, а старые церкви раскалывались. Каждая имела более или менее определенную социальную базу, причем если в начале своей деятельности большинство опиралось на низы населения, то с течением времени наиболее устойчивые становились респектабельными, обуржуазивались и соответственно регулировали свой состав. Так происходило, например, с крупнейшими протестантскими церквями — баптистской и методистской. Принадлежность к этой или иной из протестантских церквей бывала знаком социального престижа, и практически повышение имущественного статуса нередко влекло за собой переход в более престижную церковь.

Иммигранты-протестанты имели свои церковные организации, разумеется, гораздо более слабые, чем католическая. Крупнейшей была лютеранская церковь, делившаяся на несколько соперничавших между собой ветвей. К лютеранам принадлежали главным образом немцы и скандинавы. Иммигрантские протестантские организации нередко сближались с родственными им в догматическом отношении англоязычными протестантскими церквями. Лестница социального престижа существовала и здесь. Из этих и иных соображений иммигранты-протестанты подчас переходили в общеамериканские англоязычные конгрегации. Это происходило чаще и легче, чем переход из католичества в протестанство, хотя случались и такие переходы (например, среди итальянцев), обычно означавшие сознательную попытку американизоваться и преуспеть.

Этническим группам, исповедующим протестантство, ассимиляция давалась легче, чем приверженцам иных вероисповеданий. Очень важной частью положительного стереотипа выходцев из Скандинавии, например, была их принадлежность к протестантству. Шовинистические организации, развившие шумную деятельность в Америке конца XIX в. и нападавшие на иммигрантов-католиков, принимали к себе шведов, шот-

ландцев и других иммигрантов-протестантов. Для последних участие в шовинистической кампании служило, видимо, свидетельством превосходства над другими этническими группами и знаком приобщения к «сто процентному американизму», как стали говорить в годы первой мировой войны.

Следует отметить, что смешанные браки между представителями разных этнических групп американского населения чаще заключаются внутриконфессионально. В особенности это характерно для католиков и обусловлено, в частности, тем, что католическая церковь ставит значительные препятствия на пути тех своих прихожан, которые заключают браки с приверженцами других церквей.

* * *

Важным условием формирования этнической системы Соединенных Штатов (и подобных им по типу стран) явилось отсутствие там этнотерриториальных подразделений. Только мексиканцы США живут неким этническим массивом (хотя и он далеко не сплошной) на юго-западе страны, чем объясняются некоторые их этнические особенности. Негры в XIX в. составляли большинство жителей некоторых районов «черного пояса» в южных штатах, но уже несколько десятилетий миграции на север и запад размывают это их территориальное сосредоточение. Другие этнические группы не имели в Америке своих территорий. В XIX в. предпринималась не одна попытка их создания. Выдвигались проекты основания на территории Америки национальных государств — «Новой Германии», «Новой Венгрии» и т. д., но они сразу наталкивались на отказ американского правительства предоставить их инициаторам большие сплошные земельные массивы. Важнее, однако, было то, что все капиталистическое развитие США, как сельскохозяйственное, так и в особенности индустриальное, весь урбанистический склад жизни, получивший преобладание в этой стране, были связаны со стихийным и быстрым смешением этнически разнородного населения.

Сложившийся таким образом тип расселения способствовал относительно быстрой ассимиляции различных этнических элементов, которые в совокупности развивались как единая нация, несмотря на всю сложность взаимных отношений ее этнических компонентов. Бурное развитие городов и сосредоточение в них большей части пришлого, этнически гетерогенного населения сыграли в этом большую роль.

Этническая разнородность имела важное значение для социального функционирования американского капитализма. Несхожесть разных компонентов населения, взаимное непонимание, распри он использовал в своих экономических и политических целях. Американская буржуазия раздувала эти распри, искусственно вызывала их, натравливая одну национальность на другую. Классическим приемом, например, был срыв стачки рабочих одной национальности с помощью штрейкбрехеров, принадлежащих к другой этнической группе. Ввиду того что большинство иммигрантов работало по найму, приемы разобщения рабочих разных национальностей отличались богатством и разнообразием. Но как раз принадлежность большинства иммигрантов к людям наемного труда обусловила для них преимущественный путь ассимиляции, который пролегал через участие в рабочем движении, борьбу профсоюзов, забастовки. И здесь в разные периоды задавали тон различные этнические элементы, и здесь между ними возникали соперничество и борьба. Американская федерация труда, например, возникшая в конце XIX в. как организация рабочей аристократии, объединяла преимущественно выходцев из Великобритании, немцев, ирландцев, отталкивая рабочих другого этнического происхождения. Немало профсоюзов возникало независимо, на почве национальной и языковой однородности. Но десятилетия борьбы американских рабочих сделали очень многое для межэтнического сплочения жителей их страны.

Этнические группы американского населения как организационная система сохранились, несмотря на смену нескольких поколений потомков иммигрантов, успешно ассимилировавшихся в экономическом, языковом, культурном, бытовом отношениях. Вряд ли это можно объяснить лишь живучестью их европейских (или азиатских) традиций. Скорее дело в том, что они нашли себе место в американском обществе и стали частью его механизма, превратились в структурный элемент американской нации. Ч. Уолленберг, современный американский ученый, не без основания замечает: «Верно, что в Соединенных Штатах действительно существует сильное стремление к культурному единообразию, стимулируемое очевидными нуждами единой политической и экономической системы... Однако существует также стойкая уравнивающая тенденция к сохранению этнической обособленности... Напряжение между этими двумя противоборствующими общественными течениями есть одна из великих движущих сил нашей истории...»¹⁶.

Взаимодействие тенденций общенациональной интеграции и группового этноцентризма проходит сквозь всю историю США и пронизывает взаимоотношения этнических групп. Оно обусловило дуальность этнического самосознания членов этих групп. Безусловно сознавая себя американцами, они также ощущают свою принадлежность к полякам (американским), итальянцам (американским) и т. д. Разумеется, интенсивность этих ощущений и их соотношение зависят от степени ассимилированности индивидуума и группы, от исторической обстановки и других условий и могут изменяться и колебаться. Этническое самосознание как сознание принадлежности к определенной этнической группе, составляющей часть американского народа, и система организаций этнической группы, поскольку они еще сохраняются, — вот что остается у самых ассимилированных групп американского общества. Подобная «этничность» продолжается лишь в идеологической и психологической областях, но и здесь она может испытывать взлеты и падения в зависимости от исторических условий. Таким образом, этническое самосознание людей, входящих в американские этнические группы, отличается известной иерархичностью, господствующим элементом которой является сознание принадлежности к американской нации.

Тенденция к общенациональной интеграции является ведущей по отношению к тенденции группового этноцентризма.

INTERETHNIC RELATIONS IN THE USA (XIXth CENTURY)

An attempt is made at a theoretical analysis of the problem. Migrations in the course of which the multi-ethnic population of the USA (as of many other countries) was formed are viewed as intersections of space and historic time, immigrant life depending on the relation of the degree of development of the country of emigration to that of the receiving country. The processes of assimilation are analysed with special stress on linguistic developments.

Ethnic discrimination is regarded as the principal phenomenon of the system of interethnic relations, the whole system formed by a hierarchy of ethnic groups and expressed by a set of stereotypes and, conversely, autostereotypes. The role of confessional divisions for the system is considered.

The absence of an ethno-territorial division of the country is emphasized as an important condition of the US ethnic structure. The interplay of tendencies towards cultural uniformity and ethnic isolation throughout American history has produced a sort of dual ethnic consciousness — that of belonging to the American nation as a whole and that of belonging to one of the ethnic groups forming part of its structure, the first tendency having apparently proved the stronger.

¹⁶ Ch. Wollenberg, Ethnic experiences in California history: an impressionistic survey, «California Historical Quarterly», September, 1971, p. 221.